

Ты позвонила ночью...

Ты позвонила ночью. Шум прибора
Мне рассказал о том, как рвутся сети,
И вновь эфир, наполненный тобою,
Бессильно шепчет, торопясь ответить
Издалека, но раковины пленник
Играет роль без слов, и даже в гриме
Ему отказано. Свербит в коленях,
В затылке спазмы – экзекутор в Риме
Снимает сотый дубль, сквозь брешь в одежде
Гуляет ветерок и сушит слезы,
Натёкшие за ворот, словно прежде
И не любил... Еще немного прозы:
Мы, как смола, – с колосников в камине
Слетает зольный прах и зябко тлеет
На грязном покрывале, что поныне
Зовётся небом, рдеет и довлеет.
Под этим небом жить, храня в суставах
Его тепло, что сквозь ионосферу
В наш разговор, наигранно-усталый,
Приносится грозой, приняв на веру
Твой шёпот, как завет цыганки старой,
Под грохот волн скулящей на Венеру.

Баллада о Красоте

Кальхус, разведчик,
Всю ночь не смыкает очей,
Ранец овечий
Да плещет во фляге ручей,
Низкую крону,
Как шапку, надвинул на лоб,

Славит корону,
Что давит окоп, а не гроб.
Торс в напряженье,
Заряженный ствол у груди,
Звуки сражений
Остались давно позади,
Вдохи сквозь ветер,
А выдохи с шелестом трав,
Диск ярко светит,
Мешая проходу застав,
Чья-то деревня
Под сенью сиреневых гор –
Сохнут деревья,
Роняя поникший убор.
Через прилесок –
Окошки бунгало в огнях,
Этот отрезок
Отнимет примерно полдня.
Осень в Капстаде:
Саванна скрывает врагов,
Лань даже в стаде –
Добыча шакалов и львов.
Сдюжил, зарылся
Под корни, в бушвельд с головой,
Чуть приоткрылся –
Останешься вряд ли живой.
Згой-невидимкой
К огням пробивался стрелок,
Вдруг мягкой дымкой
Пред ним легкокрылый цветок –
Тень нимфалиды
Проникла в зияющий ствол,
Меч Немезиды
Бегонией нежной расцвёл.
Спор с Красотою
Вести не дано никому,
Даже Герою
Не справиться, ни одному.
Память стирая
В затеянной Миром игре,
Души сгорают
На ржавом её алтаре...
В этой деревне
Стрелка ожидала родня,
С матушкой древней
Провел он другие полдня.
Снова за славой
Пора отправляться назад –
У переправы
Его дожидался отряд.
Только до цели
Дойти ему случай не дал –
В тесном ущелье
Разведчик в засаду попал.

Кальхус, бедняга,
Коварным врагом окружён,
Сброшена фляга,
Прикладом злодей сокрушён,
Следом ватага
Трусливых вояк-англичан
Рвётся к оврагу,
Срывая фузеи с плеча,
Быстро разведчик
Направил на них карабин:
Раз уж замечен,
Отведать вам бурских дробин!
Но вместо дробин
Из дула порхнул мотылек –
Солнцу подобен
Оранжево-красный цветок.
Тут же ответом
Убийственный залп прозвучал –
Кальхус с рассветом
Расстрелян толпой англичан.
Холм у дороги
Скрывает неведомый прах,
Чьи-то тревоги
Остались навечно в горах.
Раз, в день погожий
Над ним мотылёк пролетел,
Холм будто ожил
И травами прошелестел.
Спор с Красотою
Вести не дано никому,
С этой мечтою
Не справиться даже холму.
Смерть попирая
В затеянной Миром игре,
Души сторают
На вечном её алтаре...

Раскрашенное кино

Мы прожили кусок чёрно-белой бессмысленной жизни,
Мы прожгли сгоряча этим пеплом ковёр на стене,
Нам недолго нести, чуть горбатясь в немой укоризне,
Эти серые будни, прожитые в мрачной стране.
Для неброских гвоздик, для вина, для мороженных ягод
Нам достаточно красного, но остальное не тронь.
Отчего ж так настойчива в наших наследниках тяга
Нашу память смягчить и раздуть на экране огонь?
Вам, бродягам, как будто уснуть не дают наши лавры?
И за это вы брызжете пестрым на стены дворцов?
Под румяной листвой бирюзой отливают кентавры,
Девы робко синеют, смущая желтушных отцов...

Для чего вы рисуете красно-лиловое небо
И траву изумрудную? Словно вот-вот генерал
Даст приказ и заблещут лампасы нелепо,
Чернозём превращая в песчаник, а Каспий в Арал...
Фильмов много ещё, есть куда развернуться таланту,
Да не в море по капле, а так, чтобы бить за версту:
В вас нуждается зритель – добавьте же красок Рембрандту,
Пририсуйте усы Моне Лизе и крылья Христу.
Лакировщикам спектра, мазилам излишне проворным
Мы нарушим покой, и пусть помнят, кто вечность отверг:
В ваших липких кошмарах мы чёрное сделаем чёрным,
Чтобы белое снова над ним одержало свой верх.

Открытый слог

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

(вместо эпиграфа)

Аурелий аорта вмешалась в течение вод,
Напоила стада серпокрылых зобатых турманов,
Серебристую осыпь сняла с придорожных слобод,
Обнажила белёсые десны лакричных туманов.
Громогласное море отверзло больное нутро,
Растеряло жемчужную нить погребенных столетий,
В кареглазых осколках укрылось ночное метро,
Заплутавший омнибус растаял в лесном бересклете...
...Шишковатые кости макнуть в ледяной фиолет,
Носом щупая курс, вышли карлы смурными рядами,
Обладатели рваных чулок и замшелых штиблет,
В сюртуках из парчи, с недокрашенными бородами.
Карлы ищут затей, но внезапная сонная хмарь
Заковала их в латы соблазна всеильной науки,
Сверлит каждому лоб неподвижный волшебный фонарь,
И сосновым дрекольем раздроблены пухлые руки.
Карлы робко ползут среди глиняных хижин села,
За околицей меркнет дыханье от хрипов бульдожьих,
На холмах разлеглась цепенящая млечная мгла,
Пьяным пением птиц оглушая случайных прохожих.
...В час, когда я под утро закрою последний засов
И закончу обход погребов, как прилежный мажордом,
Я пушу вдоль ограды некормленных лагерных псов
И вернусь к неостывшим в сиянье свечей клавибордам.
Сквозь невымытые стёкла пробьётся лучистый отряд
И в прокисших чернилах закружит свои контрдансы,
На песчаных холмах живописные карлы стоят,
Из немеющих ртов их доносятся сладкие стансы.